Карло Фрабетти

Против любви

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-205-214

Как и все мифы, любовь находит убежище в тумане неопределенности, что делает затруднительным ее анализ и, следовательно, разрушение. После самосознания, после cogito ergo sum (или до — для сторонников альтернативы patrior ergo sum), любовь — наиболее интимное и «невыразимое» чувство (вот почему литература и искусство предпринимают все возможные усилия для ее выражения), особенно самое крайнее ее проявление — влюбленность.

Тем не менее мы настолько уверены в ее универсальности, что выражение «быть влюбленным» расценивается нами как наделенное точным смыслом, оно регулярно используется, автоматически подразумевая его мгновенное понимание. Это один из многих парадоксов любви: все знают, что это, но в то же время ее не только очень трудно определить, но даже описать. По сравнению с ней такие замысловатые понятия, как «счастье» или «свобода», представляются элементарными.

Так что я не стану начинать с определения оспариваемого объекта, но скорее попытаюсь добиться того, чтобы оспаривание само по себе если и не дало бы определения, то по крайней мере приперло бы к стенке миф для его последующего расчленения (деликатная задача, которую каждому придется решать на свой страх и риск). Любовь, которую я намерен оспорить, — это нечто, не поддающееся выражению в таких простых терминах, как солидарность, симпатия (в этимологическом смысле «чувствовать вместе с»), дружба. В первую очередь я имею в виду «любовь» в смысле «быть влюбленным»; я использую скорее обобщающий термин «любовь» вместо более конкретных «влюбленность» или «сексуальное влечение», чтобы охватить также и другие, тесно связанные и столь же сомнительные виды любви: «любовь к отечеству», «материнская любовь» и вообще всякий вид любви, где (чтобы мы друг друга поняли) использование этого термина не мо-

---

Карло Фрабетти — итало-испанский философ, публицист и правозащитник. Carlo Frabetti — philosopher, publicist and human rights advocate.

Эссе «Contra el amor» Карло Фрабетти впервые опубликовано в баскском освободительном журнале Ekintza Zuzena (№ 9/1992, Бильбао). В последующих переизданиях автором добавлены дополнительные сноски. Перевод с испанского выполнен Евгением Шторном по изданию La Haine (https://www.lahaine.org/est_espanol.php/contra_el_amor).

Перевод печатается с любезного согласия автора, переводчик благодарит Ивана Креспо Исагирре за помощь и содействие.

жет быть заменено на «дружбу», не исключая даже такие, казалось бы, добродетельные и невинные виды, как «любовь к ближнему» или «любовь к природе» (я бы уделил им отдельное внимание в другой раз).

Я различаю любовь и дружбу, исходя из повсеместного использования обоих терминов, основываясь на условности, что такое различие на практике, несмотря на неоднозначность слова «любовь», довольно прозрачно. Выражения «любить кого-то/что-то» и «быть другом кого-то/чего-то» указывают на очень разные аффективные ситуации. Только в литературе говорится о «любви к друзьям», а также об отцах, которые хотят быть «другом своим детям», но это всего лишь риторические фигуры. Различие в значениях и коннотациях обоих терминов становится особенно ясным, когда один, как правило, используется для опровержения другого. Например, когда хотят опровергнуть предполагаемую любовную связь, обычно говорят: мы просто друзья.

Разница между любовью и дружбой, несомненно, качественная (если бы она была количественной, любовь была бы определенной степенью дружбы и не было бы необходимости в двух разных словах). Любовь — это окрыленная дружба, по выражению одного известного пошляка, не уточнившего, правда, происхождение этих крыльев. Откровенная сексуальная любовь не подразумевает простую сумму дружбы и секса (ах, если бы!); крылья — это нечто большее и нечто меньшее, чем метафорические гонады. В любом случае тут нужно было бы говорить о дружбе плюс мифологизированном сексе (или минус, ибо эромифический компонент обедняет дружбу, добавляя ей нечто отрицательное).

Если мы попытаемся конкретизировать различия между дружбой и любовью, мы столкнемся с тем, что последняя отличается от первой в основном объемом и интенсивностью негативных факторов: собственничество, зависимость, амбивалентность (обоюдные узы), ревность, тревога, иррациональность, отсутствие объективности, мифологизация объекта любви, исключительность, скрытая (если не явная) агрессивность, неустойчивость… Если любовь — это окрыленная дружба, то это крылья падшего бодлеровского альбатроса: жалкое бремя, препятствующее движению[1].

1 Я не берусь утверждать, что эти негативные факторы не влияют на то, что мы называем дружбой. Мы — идиоты, наша аффективность столь обусловлена доминирующей идеологией, что в отношениях — любого типа — освободиться от конфликтов сегодня практически невозможно. Хотя, по правде говоря, многие конфликтные факторы, которые в любви играют определяющую роль, в дружбе часто являются вторичными (или их легче контролировать). Предложенное мной противопоставление любви и дружбы целиком схематично и чревато совершенно неуместной идеализацией

Дружба как противопоставление

Обычно (и вполне справедливо, как мы увидим) термин «любовь» зарезервирован для семейных отношений (любовь между супругами, между родителями и детьми) или для тех, которые направлены на формирование семьи (любовь между женихом и невестой) или для постоянных партнеров (та же протоячейка общества), четко отличая этот тип отношений от дружеского, вплоть до того, что термины «любовь» и «дружба» начинают использоваться как взаимоисключающие. Распространенное выражение «мы просто друзья» используется для опровержения предполагаемых любовных отношений. И когда отец говорит своему сыну: «Я хотел бы быть тебе другом», становится ясно, что дружба не присуща априори типичным отношениям отцов и детей, но это стараются преодолеть, во всяком случае к этому стремятся.

Еще один великий парадокс любви. Этот термин используется для обозначения двух на первый взгляд несовместимых видов аффективности и только для этих двух: любовь между родителями и детьми и любовь сексуальная, которые жестко разделяет табу на инцест. Психоанализ убедительно показал эротический характер сыновней любви, слабо замаскированный самым сильным табу. Необходимо, однако, начать рассматривать и обратную сторону вопроса: сыновний характер эротической любви. В основе любви лежит навязчивая привязанность вернуться в свой «потерянный рай», где мать была продолжением Я и неисчерпаемым источником его удовольствия и безопасности. В этом смысле любовь отказывается принять очевидность необратимого разрыва.

Идеология семьи

То, что мы называем любовью, по сути является силой скрепления семейных ячеек: она стремится сдерживать единство уже существующих и формировать новые (всякая пара, я настаиваю — это протоячейка).

Эксклюзивность и собственничество, неотрывно связанные с любовью, соответствуют структуре общества, основанного на модели нуклеарной семьи: пара плюс возможное потомство — как аффективно-сексуальный и экономический остров. Эмоции и сексуаль-

---

дружбы. Строгая постановка вопроса потребовала бы детального анализа и неизбежного тщательного разбора отношения аффективности и секса к идеологии. Этим упрощенным заявлением я всего лишь хочу предложить линию анализа и обозначить необходимость решительного пересмотра наших аффективных представлений и ценностей.

ность формируются в лоне семьи и стремятся к ее воспроизводству. (Всякая любовь в некотором смысле эдипова.)

С прогрессивным ослаблением христианско-буржуазной морали матримониальная и семейная схема стала более гибкой, менее принудительной, если говорить о формальных свободах, однако мы по-прежнему далеки от того, чтобы от нее отказаться (даже наоборот, эта гибкость облегчает ее выживание в гораздо более снисходительном обществе), и любовь является выражением и опорой этой схемы. И хотя брак как социальный и религиозный институт начинает ослабевать (и даже это довольно относительно), его основополагающий миф (пара, объединенная любовью) сохраняет почти универсальную законность.

Любовь — это идеология семьи, иными словами, идеология в чистом виде, интернализированная на самом глубоком уровне и превращенная в принуждение и примордиальный миф. Обновленные языческие версии этого мифа могут быть менее репрессивными, чем христианско-буржуазные версии, но тем не менее выражать все ту же идеологию и следовать ей.

Предположительно прогрессивные или реалистичные взгляды на любовь редко выходят за рамки обыкновенного обновления все того же мифа (чем, кстати говоря, способствуют его сохранению). Так же, как брак был официально смягчен правом на развод (экстраофициально это право всегда существовало, особенно для мужчин, принадлежавших правящим классам), любовь, чтобы выжить в эту эпоху демистификации и «рациональности», отказывается от своих претензий на абсолютность и вечность.

Но это смирение не совсем искреннее: латентно присутствуют эдиповы страстные желания источника удовольствия и полной, безоговорочной, продолжительной, эксклюзивной безопасности — остается желание аннексировать другого человека (не зря в качестве синонима к «влюбиться» употребляют «быть завоеванным»), вернуть себе райские кущи, где мать была нежной крепостью для эго без четко очерченных границ. Liebe ist Heimweh: любовь — это ностальгия, говорят с иронией немцы.

В этом смысле любовь всегда инфантильна, регрессивна; она отказывается принять доказательства автономной инаковости, и кажется вполне оправданным, что ее представляют в виде мягкого, пухлого сосунка с завязанными глазами. Короче говоря, любовь — это причина и следствие тревоги, плод, который содержит и питает семя модели нуклеарной семьи. Она в свою очередь является причиной и следствием общества, основанного на эксплуатации и конкуренции, которые побуждают искать убежище в этой самой семье или партнерстве, замораживающих аффективность и сексуальность в инфантильном состоянии.

Детская вселенная

Семейная этиология любовной болезни ярко проявляется в ее наиболее распространенном и удручающем симптоме — ревности.

Ревность и ее отвратительные спутники (собственничество, зависимость, тревога, агрессия и т. д.) суть логическое следствие инфантильности любви: когда два человека, влюбляющиеся друг в друга, берут на себя молчаливое обязательство взаимно удовлетворить свои эдиповы желания, они неизбежно оказываются фрустрированы, либо пребывают на грани фрустрации и разрыва. Внутренний ребенок, распаленный любовной яростью, требует постоянного и исключительного внимания, дать которое по сути невозможно. Патологический страх разрыва, глухая непрерывная фрустрация, вызванная тем, что вы не являетесь всемогущим, вездесущим и всезнающим в чьей-то вселенной, выражается в ревности.

Любовь, которая часто предстает как последний бастион подлинности и самоопределения лицемерного и насильственного общества, фактически является высшей степенью фарса и самой тесной из клеток, в которые мы заключены.

Оба партнера, составляющих влюбленную пару, подвергают друг друга грубейшему обману (это постижимо только в той степени, в которой они желают быть обманутыми даже больше, чем обманывать). Они связаны цепью невротической зависимости, и каждый в свою очередь становится гирей, привязанной к ноге арестанта.

Взаимный обман

Влюбленные подписываются кровью под следующим эллиптическим контрактом: ты будешь делать вид, что для тебя нет ничего важнее меня. Я — центр твоей вселенной, и я буду делать вид, что ты — центр моей вселенной. Так мы забудем, что с тех пор, как мы оставили детство, мы обречены на одиночество, изгнанные, каждый в самый центр своей собственной вселенной... Ты будешь делать вид, что я для тебя нечто единственное и незаменимое, что ты со мной именно потому, что я — это я, в то время как на самом деле моя глубокая личность непознаваема и непостижима. И я — всего лишь один из тысяч актеров, что могли бы исполнить эту роль для тебя. В свою очередь я буду делать вид, что ты для меня нечто единственное и незаменимое (и чем убедительнее ты заставишь меня поверить, что я для тебя единствен и незаменим, тем легче мне будет заставить тебя поверить в то же самое), что я с тобой только потому, что ты — это ты и т. д.

Посредством шизофренического ad hoc механизма, который заслуживает самого внимательного изучения психологов, оба актера

верят не только в фарс другого, но и в свой собственный. Единственное отличие между соблазнителем и влюбленным состоит в том, что первый обманывает лишь своего партнера (или спутника/спутницу), в то время как второй и сам обманывается. С другой стороны, подобная взаимная ложь постижима в контексте мифологии, пустившей глубокие корни.

Виды благородной любви

Легко увидеть, что любовь к отчизне, возможная любовь к богу и тому подобное непосредственно связаны с любовью семейной этиологии. Эта общность заметна, чтобы далеко не ходить, на повседневном уровне: говорят о любви и уважении к родине-матери и, конечно же, богу — универсальному отцу, которого должно любить сильнее всего. Способ, которым эти формы любви помогают консолидации действующей морали, то есть бесконечному самовоспроизводству системы, настолько очевиден, что нет нужды на этом останавливаться.

Любовь, смерть и одиночество

И если религия — это одна из форм любви к обожествляемому отцу (т. е. к источнику власти), то любовь — это в свою очередь форма религии, мифологизированный ответ на недосягаемый и непостижимый характер инаковости. Так же как религия, это в значительной степени мифология, необходимая для преодоления страха одиночества. Она затрудняет объективный взгляд на проблему и поощряет бесконечное самовоспроизводство антисолидарной системы, основанной на эксплуатации и конкуренции, фундаментальной причины крайнего одиночества, в котором мы живем.

Тут следует задаться вопросом: раз уж многие люди обходятся без религиозных мифов[1], но почти никто не готов отказаться от мифов любовных, следует ли из этого, что страх одиночества является более интенсивным и неустранимым, чем страх смерти? Объяснение тому, возможно, основывается на том, что собственно смерть — это явление уникальное, окончательное. И практически каждый видит ее как нечто очень смутное и отдаленное, что, подобно солнцу, не позволяет прямо смотреть на себя, как говаривал Ларошфуко.

1 На самом деле не так много: многие из тех, кто верит в отказ от религии, цепляются за целый ряд заменительных мифов (псевдонаучных, моральных и т. п.), которые, если и не предотвращают страх смерти, по крайней мере смягчают страх жизни.

Опыт смерти непознаваем, напоминает нам Эпикур: когда ты есть, смерти еще нет; когда смерть пришла, тебя уже нет. Одиночество, напротив, — явление частое, чтобы не сказать постоянное. В нашем обществе, ориентированном на конкуренцию, трудно достичь удовлетворения. Необходимость самообмана относительно одиночества гораздо более безотлагательна и навязчива, чем необходимость самообмана относительно смерти.

От травмы к отчуждению: любовь и ненависть

Абсурдно (хотя так поступают многие) пытаться бороться с существующей системой, не выступая против патриархальной нуклеарной семьи. А это в свою очередь предполагает разоблачение любви как реакционного и парализующего мифа. Отказ расценивать ее прекрасным чудом и начало осмысления ее как сексуально-аффективного расстройства идеологического характера.

В повседневной речи часто встречаются намеки на травматический характер любви. Говорят о любовной тоске, любовной лихорадке (бразильцы куда более прямолинейны, они используют «идиот» в качестве синонима слова «влюбленный»). И неспроста купидон вооружен луком и стрелами. Религия любви столь укоренена, что даже признание ее бога слепым тираном не препятствует всеобщему поклонению ему тем или иным способом.

Пугающего афоризма «от любви до ненависти один шаг» должно было бы быть достаточно, чтобы даже в самом наивном человеке пробудить подозрение о болезненности любви. Любовь и ненависть — это две стороны одной аффективной ходовой монеты, отчеканенной из щедрого сплава насилия, страха, лжи... Это две стороны монеты разобщения, вот почему они столь близки, вот почему так легко перейти от одной к другой и даже перепутать их. Если бы люди могли знакомиться, находить взаимопонимание, сотрудничать, развивать солидарность и симпатию (в этимологическом смысле «чувствовать вместе с ...»), исчезла бы ненависть, а вместе с ней и ее противоположность, ее диалектическая пара, навязчивая любовь. И не было бы ничего, кроме дружбы[1], более или менее тес-

1 В действительности надо бы придумать новое слово, так как отношения, которые могли бы возникнуть в не-репрессивном обществе, качественно отличались бы от того, что есть сегодня. Ассоциировать эти новые и невообразимые отношения с тем, что мы называем дружбой, является упрощенным приближением, простой отсылкой, основанной на том, что автономность, открытость и другие обязательные признаки любых не-репрессивных отношений, как правило, присутствуют скорее в дружеских, нежели в любовных отношениях.

ной и глубокой, более или менее сексуальной, но в основном уважительной к отдельной, открытой и свободной личности.

Следует избегать заблуждения, что негативными аспектами находящейся в шаге от ненависти навязчивой любви являются незначительные мелочи жизни, которые легко отмежевать от гипотетически благородной и светлой сущности любви (это идеалистическое заблуждение отсылает к невыносимому религиозному мифу о разделении души и тела). Ревность, фрустрация, тревога, скрытая (или явная) агрессия — не пороки любви, но ее неотъемлемые элементы. Собственничество и эдипова зависимость порождают ревность и тревогу, идеализация — разочарование, а тревога и разочарование (или ее интуитивная неизбежность) порождают отчаяние и агрессию.

Конечно, в обобщенной эромифической болезненности одни виды любви оказываются здоровее других, иногда негативные аспекты даже отходят на второй план, сдерживаемые посредством сознательно разумного поведения всех заинтересованных сторон и/или на удивление благоприятными обстоятельствами. Однако подобные малоконфликтные виды любви — это исключения (универсально признанные таковыми), которые подтверждают правило. И слепцы бывают веселыми (вероятно, даже чаще, чем определенные виды любви), что не означает, что слепота является неким даром.

Любовь разочарованных

Совсем не просто бороться с укоренившейся тенденцией считать любовь чем-то истинным, хорошим, прекрасным и начать относиться к ней как к форме отчуждения. Большинство людей созерцает и проживает любовь как нечто в высшей степени аутентичное и личное, как выражение самой сути своего эго и первостепенный источник самых ярких и высоких наград. Преодолеть это еще сложнее, чем преодолеть христианско-буржуазный миф о благородстве самопожертвования и о труде как противоположности игривой пошлости. Это даже сложнее, чем избавиться от внутреннего ярма принципа производительности (чаще всего его просто переносят из одной сферы деятельности в другую).

И это несмотря на то, что сама эволюция любви берется вывести нас из заблуждения резким разочарованием или же постепенным охлаждением. Достигнув цели атомизировать общество до состояния изолированных и легко манипулируемых группок, семейных или квазисемейных ячеек, любовь обычно раскрывает свою фундаментальную ложь. Но многие отказываются увидеть эту ложь,

столь неизбежной и необратимой представляется им эта ситуация. А из тех, кто это признает, большинство списывает все на личные качества или стечение обстоятельств, отказываясь видеть фальшь самой идеи.

И даже большинство тех, кто скептически настроен к любви, ищут ей замену, а не альтернативу, чем еще более мифологизируют ее, представляя «чем-то слишком прекрасным, чтобы быть правдой», и пренебрегают другими видами эроаффективных опытов (или непосредственно тривиализируют эти опыты за отсутствием иного).

Эти формы скептицизма, покорности или разочарования не противостоят любовной мифологии. Они, наоборот, усиливают ее по мере того, как искажают причины аффективной фрустрации и перенаправляют последующую агрессию от своих истинных целей: собственно любовного мифа и сопутствующей ему идеологии.

Иные тропинки: альтернативы любви

Итак, предполагая восхищение невротическим и регрессивным характером любви, как преодолеть его и чем заменить? Возможно, единственное, что мы можем сделать сейчас, — это подвергнуть энергичной и строгой самокритике нашу концепцию любви и наши аффективные переживания, отделяя, насколько это возможно, неизбежные негативные аспекты (собственничество, зависимость, мифологизацию, агрессивность) от позитивных (солидарность, симпатию, уважение к личности и к самоопределению и свободе других...), и прилагать усилия в борьбе с первыми и культивировать вторые.

Одних этих усилий, понятное дело, не достаточно для того, чтобы коренным образом изменить нашу аффективную структуру; но это первый шаг, как постановка диагноза является первым шагом к исцелению (или вторым, сначала нужно признать, что ты болен). Это первый шаг в ногу с теми, кто сражается за глобальную трансформацию общества, необходимая предпосылка или, если точнее, диалектическое стремление к подлинному аффективному преображению личности.

Что же до возможных альтернатив любви, то наш образ жизни сегодня не позволяет нам отчетливо различить их, потому что они тесно привязаны к радикально отличным психологическим и социальным условиям. Но справедливо предположить и ожидать, что усиление солидарности, взаимопонимания, уважения к собственной и чужой автономии, а также преодоление собственничества, агрессивности и т. п., приведут к новому типу отношений, экстра-

полируемых на нынешнее понимание дружбы; к отношениям, в которых секс может играть более или менее понятную и важную, но никогда не принудительную роль.

Мы можем иметь только смутное представление о подобной аффективной ситуации. По той же причине мы не можем иметь ясное представление о свободном обществе, так как оба они — нерепрессивная аффективность и нерепрессивное общество — неразрывно связаны между собой и определяют друг друга так же, как взаимно определяют друг друга невротическая любовь и невротическое общество наших дней.

И если вдруг мы этого не понимаем

Наш нынешний способ мыслить и чувствовать любовь конституирует, вероятно, самый глубокий и наиболее защищенный редут интернализированной идеологии. Борьба против господствующей идеологии ведется на многих фронтах, и один из самых сложных находится в самой сокровенной части нашего существа, в самом центре нашей чувственности. Это нечто ужасное, но, если мы не примем бой, если откажемся увидеть, что наше сердце — это бункер, построенный системой внутри каждого из нас, то мы заведомо проиграли эту битву.

Как верно подметил апостол Павел, мы — живые храмы идеологии (рядится ли она в голубя или крылатого сосунка), и пока мы не вышвырнули из себя как торгашей, так и священников, а в особенности интернализированных богов, мы не станем свободными.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Фрабетти К. (2018) Против любви. *Социология власти*, 30 (1): 205-214.

Frabetti C. (2018) Contra el amor. *Sociology of Power*, 30 (1): 205-214.

Поступил в редакцию: 21.03.2018; принят в печать: 23.03.2018